

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Leonid Alaverdov

Interviewer: Julia Kanin

<http://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/leonid-alaverdov>

Content © 2020 Coney Island History Project. All material on the CIHP website is copyrighted and cannot be used without permission.

Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения.

Юлия Ханина: Это Исторический Проект Кони Айленд, меня зовут Юлия Ханина, и сегодня мы разговариваем с...

Леонид Алавердов: ... Леонидом Алавердовым.

ЮХ: Как и когда Вы иммигрировали в Америку?

ЛА: Я иммигрировал в Америку в 93 году из Баку. Я бакинец. Родился в Баку, жил в Баку. Какой-то период времени я жил в Тбилиси. Я там учился, в свое время, в авиационном техникуме. Потом служил в армии три года. И затем вернулся в Баку. А оттуда я приехал в 93м году, когда начались эти события в Баку: рознь началась между армянами и азербайджанцами. По национальности отец у меня был черкес, Алавердов, а мать была еврейка, Финкельштейн Берта Яковлевна. И вот мой отец когда-то женился. Он ей преподавал, готовил ее, в результате родился я.

ЮХ: И какие у Вас были первые впечатления от Нью-Йорка?

ЛА: Ой, Вы знаете, ошеломляющие просто. Я очень полюбил этот город. Я безумно много носился по этому городу буквально. Я его изучал по справочникам, по путеводителям... Я даже не брал здесь никогда экскурсий. Я просто брал путеводитель в руки и гонял по всему Манхэттену. Мне было это невероятно интересно. Ну пешком, я, например, тогда мог исходить колоссальные расстояния. Например, я высаживался возле Гарлема, где находится Риверсайдская церковь и могила генерала Гранта, оттуда я пешком шагал до самого низа Манхэттена. Весь Манхэттен прочесывал пешком, причем не просто ходил, а очень много интересного познавал для себя. Очень много впитывал впечатлений. Это потом все отразилось в моем творчестве, в моем отношении к Нью-Йорку.

ЮХ: И когда Вы переехали на Кони Айленд?

ЛА: В 93м году я жил в Бенсонхерсте. Там мы снимали квартиру. Был очень тяжелый период жизни. Во-первых, мы приехали с двумя мамами: моя мама и жены мама. Им было уже за 90 лет. Это женщины, которые требовали ухода. Это все легло на плечи моей жены. Плюс у моей дочери было двое детей, когда она приехала, третьего ребенка она родила только она ступила на американскую землю. Она родила здесь. У нее три девочки. Значит, за тремя девочками тоже нужно было следить. А в 98м году нам предложили целый список квартир, праджекты называется. Поэтому, когда я попал на Кони Айленд, где я сейчас живу, рядом с Си-Гейтом, и мне показали квартиру с балконом... С одной стороны Веррезано

Бридж, с другой стороны, через дорогу, пляж. Вот прямо перейти дорогу, и я уже на пляже. Конечно, мы, не раздумывая, тут же согласились на эту квартиру. И совершенно не жалеем. Мы очень довольны жизнью в этом районе. Правда, это был несколько другой контингент там жил. Например, русскоязычных там было очень немного. И значит, мы стали здесь жить. Внушек я брал к себе на все лето. Водил их через дорогу на пляж каждое утро. Русскоязычная публика обычно на пляже собиралась в 8 утра. В 10 все уже тихо шли по домам. К 10 приходили итальянцы. Афро-американцы приходили вечером. Русскоязычную публику, женщин особенно, сразу можно было на пляже определить кто плавает: потому что все плавали в шляпах (*смеется*). Это только наша публика плавала в шляпах! Это вот такой колорит небольшой. Ну конечно, интересно было. Знакомства состоялись со многими. Здесь уже больше жило русскоязычной публики. Конечно, сейчас, район все время меняется. Здесь было очень много в нашем районе пустырей. Сейчас идет, ну не мне Вам рассказывать, застройка такая активная.

ЮХ: Вы живете возле Си Гейта, правильно?

ЛА: Да-да, я живу, не доезжая... Это называется О'Двайер Гарденс.

ЮХ: А как это было в 90х? Чем-то отличается?

ЛА: Во-первых, очень было мало русскоязычной публики. Потом первая публика появилась на Вест 24й, как я Вам говорил, потом на Вест 37й. Сейчас мне этот район все больше и больше нравится, потому что он хорошо отстраивается. Не знаю... Конечно, все не удастся посмотреть, не хватит жизни, но надеюсь (*смеется*).

ЮХ: До того, как Вы переехали, Вы жили в Баку и работали дизайнером. Расскажите о том, как Вы стали работать в этой области?

ЛА: Ну во-первых, я для начала должен сказать, что я по образованию инженер. Инженер по нефтяному и газовому оборудованию. До этого я в Тбилиси окончил авиационный техникум. В Баку я закончил институт. Это было моей специальностью. Я работал инженером, потом работал преподавателем в школе. Очень любил эту работу. А в 63м году по всему Союзу в городах-столицах Союзных республик (почти во всех) стали открывать художественно-конструкторские бюро. Слово «дизайн» мы тогда не знали. Мы знали слово «художник-конструктор». Ко мне просто прибежал мой товарищ. Он знал, что я с детства рисовал, что я всегда увлекался творчеством, что дома я что-то вытворял, что-то делал. Он прибежал, мне говорит: «Леня, вот для тебя работа там. Беги немедленно туда, вот открылось художественно-конструкторское бюро!» Ну я, естественно, пошел туда, переговорил. И меня очень охотно приняли туда на работу. Я стал вот работать сначала рядовым дизайнером. Очень быстро я продвигался по службе. Потом я стал работать руководителем группы, руководителем сектора, заместителем начальника отдела... Группа была очень интересная специалистов, дизайнеров. Как потом это мы узнали это слово «дизайн». У нас это чуть ли не ругательное слово считалось. Работали как художники-конструкторы. Очень была интересная работа. Очень было много командировок в поисках заказчиков, потому что надо было найти людей и заинтересовать. Я в итоге вышел на предприятие, которое занималось электро-термическим оборудованием. В Баку был завод

электро-термического оборудования. А существовала целая сеть предприятий электро-термического оборудования и институтов, которые разрабатывали это. Институт находился в Москве головной. И я стал там пропадать в командировках. Познакомился с конструкторами, они очень заинтересовались моими работами. И в один прекрасный день меня вызвало руководство этих предприятий, начальник технического отдела министерства электро-технической промышленности. Я пришел к нему и страшно удивился: у него на столе лежала стопка моих отчетов, моих работ, пояснительных записок. Он мне предложил, при Бакинском заводе электро-термического оборудования создать отраслевой отдел художественного конструирования электро-термического оборудования. И обслуживать все предприятия, которые занимались электро-термией. Это десятки предприятий. В общем, открылась такая большая перспектива. Мне предложили возглавить эту организацию. Но я отказался возглавить.

ЮХ: Почему?

ЛА: А потому что я знал, что если я возглавлю, то я отойду от творческих работ. Поэтому я приехал в Баку и своему начальнику отдела сказал: «Вот если хочешь, вот есть такая возможность возглавить отраслевой отдел. А я буду твоим заместителем, но при условии, что я буду выполнять работы.» Ну было такое начало. Мы создали такой отраслевой отдел. И я был главным художником-конструктором отраслевого отдела. Я работал очень долгое время там, потом на какое-то время я ушел оттуда. Я перешел работать в промышленность – соскучился по конструкторской работе. Я пошел работать в институт лако-красочного покрытия. Я работал там главным специалистом, потом возглавил, стал работать исполняющим обязанности главного инженера института Бакинского отделения. Товарищ мой, Печерский Семен, еврей по национальности, он работал исполняющим обязанности директора. Он исполнял обязанности директора, а я исполнял обязанности главного [инженера], и никак нас райком партии не утверждал. Раза два приезжал заместитель директора головного института, ходил в райком партии и требовал, чтобы нас утвердили. В конце концов приехал сам главный директор этого всего головного института. И он пошел в ЦК партии. Короче, ему заявили, что здесь не еврейская республика, а здесь Азербайджан. И директор будет азербайджанец.

ЮХ: И расскажите, как после всего этого Вы перешли к работе с гобеленами?

ЛА: Мы художники-конструкторы или дизайнеры, как нас стали потом называть, все свободное время мы старались заниматься творчеством каким-то. Ну это разные направления были. У нас шли волны: то мы художественной фотографией занимались, то мы занимались – все купили кинокамеры. Снимали кино. Значит, старались запечатлеть всю нашу жизнь на киноплёнке. Затем вдруг все бросились в чеканку – в то время было очень модно. Мы все увлеклись чеканкой. Я искал, чем бы еще [заниматься]... Вдруг, случайно, вышел на гобелены. Этому предшествовала выставка литовских художников в Баку. Я когда увидал современные гобелены, вот с этого началась у меня эта болезнь. Я буквально заболел, такая красота! И в это же время приезжает мой брат, который жил в Москве, и говорит: «Пойдем к моему одному другу в гости.» Ну я пошел с ним. А оказался он художник-гобеленист. Я у него увидал в доме раму, на которой он ткал гобелены ручные.

Это ручное ковроткачество. То есть не станок. Есть когда гобелены делают на станке, с помощью станка специального, а это вручную все делается. Я увидел, ну и как инженер я сразу понял всю технологию, что для этого нужно. Плюс к этому я нырнул в библиотеки, стал обзаводиться какими-то книгами, которые только можно было достать, связанные с искусством гобелена, с творчеством разных художников, которые гобеленисты. Увлёкся этим и стал делать первые гобелены. Для этого необходимо сделать эскиз. Необходимо сделать в натуральную величину, это называется картон, рисунок. Такого же размера. Потом необходимо сделать раму. Натягиваются вертикальные нити – основа будущего гобелена, а горизонтальными цветными набирается постепенно рисунок. Знаете, когда спрашивают на выставках как это делается, обычно я говорю так: «Вы носки штопать умеете?» Вот женщинам я русским говорю, русскоязычным. «Да, конечно!» Вот, я говорю, тоже самое, только штопаете это все цветными нитями, а сзади стоит рисунок – картон. И вы как бы по этому трафарету набираете весь этот рисунок в цвете. Через какое-то время, когда я делал так успешно, стал выставлять эти гобелены у себя... Ну выставлять где? Я хвастался перед своими же друзьями. Приносил на работу. Вот я работал в институте дизайна. Приходил, там у нас был отдел архитектуры. Были даже женщины-дизайнеры, которые кончали в Москве факультет по ткани. То есть этот гобелен входил в их учебную программу. Но они это не делали дома, потому что это очень много места занимает и это очень трудоемкая работа.

ЮХ: А вы научились сами!

ЛА: А я научился сам. Через какое-то время пришел вот этот художник, с которым брат меня познакомил, ко мне на работу пришел. Я ему показал, у меня на работе висели работы. «Ну что,» говорю, «какие замечания?» Он говорит: «Никаких, все нормально. Все ок!» Через какое-то время появилась вдруг в Баку в газете заметка о том, что этнографы Азербайджана в горах Азербайджана нашли остатки ковров настенных доковрового периода. Это когда люди не умели делать ковры, они брали камышинки или палочки, наматывали на них цветную шерсть, создавали орнамент и вывешивали у себя в квартирах. Ковры тогда еще ткать не умели. Вот я только прочел эту короткую заметку. Я никогда не видел, чтобы кто-то занимался этой техникой. А я за эту технику ухватился. Я стал делать в этой же технике на палочках сюжетные гобелены, наман. Мне очень понравилось, как они смотрятся эти гобелены, потому что там работает и цвет, и блики, и тени от этих палочек. В общем, интересная работа создается.

ЮХ: Что это за техника такая?

ЛА: Ну, вот эти этнографы называли ее «чатыр,» это по-азербайджански «веер.» Потому что вот тот гобелен, который я Вам показывал индейца, он имеет вертикальные нити такие. Его можно свернуть в рулон, понимаете. Поэтому он раскрывается как веер. Вот это такая древняя техника. Я стал в этой технике создавать современные гобелены. Сколько я по компьютеру ни рыскал найти, кто занимается подобным творчеством, я не нашел. Вот безворсовые гобелены, с которых я начал, это множество есть художников, очень многие занимаются. Это очень развитая гобеленная техника. Ну, в Азербайджане, во-первых. Там не гобелены, у них называется в Азербайджане это сумах – настенный ковер. Обычно, это

орнаменты какие-то. Но не тематические. Я же делаю тематические, как полагается гобелену. Конечно, серьезные гобеленисты они обычно делают эскиз. Потом делают картон в натуральную величину. На этом их работа кончается. Дальше они нанимают ткачей, которые садятся несколько человек за один гобелен. Вот так стул к стулу, так сидят рядышком. И набирают шерстью, акрилом, хлопковой тканью, металлической тканью, чем угодно, лишь бы создать этот рисунок, который диктует художник. Я же делаю все сам. Я делаю и эскиз, картон, потом сам сажусь за это ткачество. Мне очень нравится этот процесс. Весь процесс создания. Это очень трудоемкая работа, очень длительная, но зато пока я делаю этот гобелен, я думаю о следующем. У меня есть время подумать о следующем.

ЮХ: Сколько примерно уходит времени на создание готового гобелена?

ЛА: Это понимаете, иногда уходит полгода, иногда уходит семь месяцев, иногда уходит больше. Зависит от того, сколько времени, во-первых, я увлечен и сижу... Ну не всегда, понимаете, удастся 8 часов сидеть. Это невозможно. Но я упорно сижу за этими гобеленами. И крупный гобелен если делать, это не менее полгода уйдет на это время. У меня уходит, во всяком случае.

ЮХ: Какие материалы Вы используете? Вы берете их в Америке? Или Вам их привозят?

ЛА: Не-не, понимаете, в Баку когда я начал эту работу, я покупал белую шерсть и сам красил ее в разные цвета, используя или акриловые краски специальные. Знаете, в пакетиках были. Красили белье вот. Или вот даже лук, шелуху лука использовал. То есть от коричневого до светло-бежевого, зависело от количества этой шелухи. Все меня снабжали этой шелухой, а я варил эти нити в этой шелухе. Или скорлупу вот орехов свежих, тоже темный цвет дает специальный оттенок. Это довольно трудоемкий процесс дополнительно к этому ткачеству. Когда же я приехал в Америку, я зашел в один из магазинов, я обомлел от количества нитей! Правда, в основном, это акриловые нитки, ну и шерстяные есть, а меня это не интересует: шерсть это или акрил, или это каттон, потому что мне главное передать рисунок и передать ту информацию, которую мне хотелось бы заложить в этот гобелен.

ЮХ: Есть ли разница между гобеленами и настенными коврами?

ЛА: Есть, конечно. Настенные ковры в основном — это орнаменты. Особенно на Кавказе это орнаменты. Да и в Прибалтике тоже есть ковры, они выпускают, это орнаментальные ковры, которые вешают. У азербайджанцев эти настенные ковры назывались сумах. Он был безворсовый, по технике очень близкий как гобелены создают. Их делали из шерсти, создавали из шерсти. А предназначение их было... Обычно в азербайджанских домах постель сворачивали днем, утром и закладывали в специальные ниши. А сверху завешивали коврами, этими сумахами. Я видал такие дома старые. Это служило и как украшение, и одновременно функционально они закрывали ниши, ниши, где хранилось белье.

ЮХ: Азербайджанские ковры были включены в список нематериального наследия ЮНЕСКО. Они до сих пор популярны?

ЛА: Очень, невероятно популярны! Невероятно популярны! В Баку сейчас построили музей ковра. Это какое-то чудо архитектуры, во-первых. Там такие работы висят! И очень посещаемый музей. Очень любят смотреть, приходить, потому что... Есть, понимаете, очень старые ковры, которые очень ценятся. Когда-то мой друг с женой, когда у нас родилась старшая внучка в Баку. Он принес, вырезал кусок ковра. Это, говорит, у нас дома был старый ковер, ну, говорит, вот единственное целое место он вырезал кусок. «Пусть твоя внучка ползает на нем!» Ну красивый ковер кусок. А когда мы уезжали, ко мне пришел один ковроткач. И когда он это увидел, он говорит: «Где все остальное?» Я говорю: «Остальное выбросили». «Как?! Я бы вам сейчас не глядя сто тысяч рублей положил бы на стол!» Это оказался древнейший персидский ковер. А они вырезали кусок, чтобы моя внучка ползала на нем в детском уголке.

ЮХ: Вы создаете гобелены дома, правильно?

ЛА: Да, я создаю все по моим рисункам. Абсолютно все. В этом я вижу свое и предназначение, и ценность, ценю сам в своих работах. Старые гобелены, кстати... Вот когда древние гобелены 15го, 16го веков обычно делали по картинам даже старых художников-мастеров. Например, если вы пойдете на Вест 122й, там есть храм Иоанна Богослова. Это очень интересный храм, который строят уже более 120 лет. И там вывешены гобелены, которые есть по рисункам Рафаэля. Понимаете, брали картины художников знаменитых и создавали на их основе гобелены. Но их создавали из тончайшей нити. Обычно, шелковая нить тончайшая. Это еще более трудоемкая работа, потому что у нас нить более толстая. Но другой эффект у нас. Это и в Метрополитан музее можно увидеть такие старые гобелены, старинные.

ЮХ: Есть какое-то ограничение, в плане что Ваше помещение не позволяет например создать большой гобелен?

ЛА: Ой, ну конечно, конечно. В Баку у меня была веранда огромная, которую я оккупировал под гобелены, где правда зимой было очень холодно работать, но все равно я сидел даже в пальто одетый и работал. Здесь я вынужден в ливинге рум, я делаю. Собираю эту раму, натягиваю эти нити. Конечно, это обрезки, это я сорю и везде пачкаю. Это все ложится на плечи моей супруги (*смеется*). Она безропотно убирает. Она, кстати, самый первый оценщик моих работ. Для меня самое важное это ее оценка. И она меня вдохновляет даже. Я как-то вот недавно болел, и я где-то год не занимался. И мне внучки с моей дочерью вместе дырку в голове сделали: «Дедушка, когда ты начнешь? Когда ты начнешь?» Потому что это, понимаете, вот это дает нам здоровье старикам. Вот эта гильдия художников, где мы занимаемся, это наше лекарство. Мы чем-то заняты.

ЮХ: Какие темы Вы выбираете для создания своих гобеленов?

ЛА: Ой, самые различные! Ну в Баку очень много тем было связано с моим городом. Очень много было тем, связанных с продажей моих работ. Там я их довольно успешно продавал. Здесь, когда я приехал в Нью-Йорк, началось с того, что я много... Я уже говорил, я много ходил по Манхэттену. Я влюблен в этот город. Я очень много делал гобеленов, связанных с тем, что я видал, что меня вдохновляло. Вот я посетил музей индейцев в Манхэттене, в

нижнем Манхэттене, и создал этот гобелен вот с индейцем, который я назвал «Тишина». Это, если Вы присмотритесь, там в глубине, как бы контуры города. Это индеец, который когда-то был представителем воинствующего племени. Сейчас в их жизни наступила тишина. Или вот этот мак, который я Вам показал. Красный мак. У американцев это символ армии. Это символ победы. В России – гвоздика, всегда все одевают красную гвоздику в петличку, а у американцев это мак.

ЮХ: Расскажите немного об этом маке и как это связано с ураганом Сэнди. Это очень интересная история!

ЛА: Этот мак я создал значит... ну рисунок и все это было где-то у меня в набросках существовало. Я иногда посещаю этот музей Бруклинский музей искусства. И там была выставка одного индийского художника, я сейчас фамилию не помню, который делал из металлических пластинок кольца, и эти кольца в виде ткани. Он создавал гигантские такие полотна из этих колец. У меня же это приняло, меня подтолкнуло на несколько гобеленов, дополнить это в мои гобелены. Технику эту. Но, конечно, в уменьшенном виде. Я не могу разворачиваться в такие масштабы. А связано это было... прошел этот ураган Сэнди. Мы держались за свою квартиру. Я живу на десятом этаже. И мы никуда не эвакуировались, хоть нас уговаривали покинуть. Куда-то было убежище, куда многие уезжали. Мы остались дома. Но к нам приходили все время студенты, узнавали, что нам нужно, потому что у нас отключили свет, у нас отключили газ. Все магазины оказались в округе затоплены. И они нам привозили продукты, консервы в основном. А эти консервные банки я потом распустил на эти металлические пластинки. Я нарезал пластинки и сделал эти кольца по образцу как это вот делал этот индийский художник, у которого кстати... вот его гигантские полотна, там был фильм, и показано было как он это создает. А создавал он с помощью своих учеников. Их сотни этих учеников сидели и корпели над этими кольцами, собирали их в ткань такую. А мне приходилось это все делать самому. Ну, поэтому такой небольшой размер. Я их как бы дополняю свои гобелены этой тканью. Для выразительности, для того, чтобы создать художественный более выразительный образ.

ЮХ: Расскажите немного о the Jewish Folk Crafts Guild, это Гильдия Еврейских художников и мастеров прикладного искусства. Чем эта Гильдия занимается? Какое Вы принимаете участие?

ЛА: Ну, я сначала, в 93м году еще Няяна меня направила. Это была организация такая, которая встречала всех беженцев, учили первоначальным таким навыкам языка, занимались с нами как вновь прибывшими. Мне посоветовали, когда узнали, что я художник, что я занимаюсь вот творчеством, чеканкой, гобеленами, пойти в Бенсонхерсте есть Еврейский центр. Я пришел в этот центр, меня очень радостно приняли. Да, предоставили возможность организовать выставку. И очень скоро группа в 5 человек создали выставку первую. Выставку в Бенсонхерсте. Затем стали приходиться, когда узнали об этом, русскоязычные художники, русские художники. Русские, евреи, армяне, все, кто угодно! Я создал такую группу русских художников Бенсонхерста. Какое-то время я руководил этой организацией, потом я по семейным обстоятельствам вынужден был передать это другому художнику. Мы выставлялись и в Бенсонхерсте, в этом еврейском центре, в колледже – Туро колледже

выставлялись. Затем в Манхэттене в колледже очень много у нас там прошло выставок, там заинтересовались. И в один прекрасный день нам предложили прийти и познакомиться в Манхэттене с созданной группой, группой Еврейских художников и мастеров прикладного искусства. Нас это очень заинтересовало. Мы почти все перешли из группы русских художников в этот Еврейский Центр. Ну, он условно называется Еврейский центр. У нас все, кто угодно: и русские, и армяне, и таджики... Вот создали эту группу. Через какое-то время нам предложили в этой библиотеке, вот в этом помещении, где мы с Вами сейчас сидим, сказали, что здесь мы можем выставлять свои работы. И мы стали регулярно здесь выставляться. У нас проходят общие выставки, групповые выставки, индивидуальные выставки. Было много очень известных художников. Все это нам дает возможность общаться друг с другом, показывать свои работы. Как я всегда говорю – проветривать работы. Нужно время от времени их проветривать. Ну, среди художников это еще называется выпендриваться друг перед другом (*смеется*). Вот так.

ЮХ: Сколько примерно человек в Вашей Гильдии?

ЛА: Сейчас, по-моему, 46 или 44. Что-то я не помню. Все время количество меняется. Вот недавно у нас был прием, приняли 8 человек, в основном – молодых художников. Ну молодые у нас не задерживаются. Они очень часто сделают выставку своих работ, а им как вновь вступившим предоставляется возможность часто сделать персональные выставки. Вот они соберут всех своих друзей, похвалятся. Ну заплатят членские взносы, вступая в Гильдию, всего 40 долларов. А потом после этого они исчезают. Они заинтересованы в продаже работ. Ну здесь работы не продаются. Это нужно иметь арт-диллера, профессионала арт-диллера, который имеет выход на потенциальных покупателей. Мы этого не имеем. И мы как бы варимся в своем соку. У нас выставки проходят и в Манхэттене, и здесь, и на многих площадках. В Баку у меня прошло пять выставок. Я страшно этим хвастался и считал: 5 выставок прошло, представляете?! Здесь у меня прошло, вот я Вам покажу список, последняя выставка я завершил – 90й номер. 90 выставок! В Нью-Йорке! Вплоть до Вашингтона даже была в Российском Центре: Культурном Центре при посольстве России. Вот это понимаете это багаж наш. Это наша жизнь, понимаете? Это наша работа. Мы страшно довольны, когда мы можем вот выставить где-то свои работы. Показать, чтобы приходила публика, высказала свое мнение. Обычно вот здесь, в этом зале вот, в Бруклинской библиотеке, здесь собирается очень много народу. Мы выставляем по одной-две работы, заполняем все стены, все абсолютно здесь кругом. И приходит очень много, здесь есть постоянная аудитория, люди которой заинтересованы. Или здесь происходит предположим музыкальные какие-то выступления. Здесь даже конкурс Гершвена проходил, Международный конкурс Гершвена. Вот дети выступали в этом помещении. А, конечно, они приходят, а кругом висят наши работы. Люди тоже с интересом смотрят. Это и украшает помещение и нам приятно. И всегда все заполнено до отказа.

ЮХ: Приобретают ли эти картины? Есть ли заинтересованные покупатели?

ЛА: Нет, здесь нет. Здесь – нет. Наша публика... Я не знаю, ну очень редко может быть кто-то что-то кому-то удается продать.

ЮХ: А в Манхэттене?

ЛА: Тоже, это понимаете, в колледже... Я Вам говорю: это должен быть арт-дилер. То есть как мне сказали, объяснили, что в Америке не покупают картины, а вкладывают деньги в них. Вот арт-дилер – это человек, который способен объяснить людям-потенциальным покупателям, что если они вкладывают деньги в это произведение искусств, то они не прогадают в дальнейшем, что цена их будет расти только.

ЮХ: Чем Вы гордитесь больше всего в своем творчестве?

ЛА: Ну, горжусь своими работами. Я горжусь тем, что я занят. Мои работы с удовольствием воспринимаются художниками, моими друзьями, что я могу здесь выставлять свои работы. Я Вам сказал, что работы трудоемкие, пока я создаю работу, я уже думаю о следующей. Плюс к тому, что у меня дома всегда лежит целая пачка эскизов. Вот я сейчас, например, недавно стал разбирать свои эскизы, и вдруг смотрю, две работы — это когда-то я преподавал студентам в Баку, и я им приносил в качестве задания два эскиза. Я нашел эти два образца и думаю, а почему бы мне не сделать из них гобелены? И я создал два гобелена по бакинским эскизам! Или я как-то разобрал в этой же куче я нашел крохотный рисунок, буквально авторучкой сделанный. Ну какая-то задумка была. Этот тоже гобелен у меня сейчас дома стоит. А так, все зависит. Иногда это сиюминутное впечатление какое-то, которое значит вот у меня где-то, я увидел что-то интересное, что-то мне хочется создать. Вот я ранее Вам говорил, о соборе Иоанна Богослова. У меня есть колоссальный гобелен, который я посвятил этому собору, потому что я пришел и поражен был его размерами, и люди мне показались как какие-то тени, там ходят по этим залам. И я так и назвал – «Блуждающие тени.»

ЮХ: Расскажите, пожалуйста, о гобелене, который называется «Бруклин глазами иммигрантов.»

ЛА: Это когда-то художественная организация Бруклина, они объявили конкурс на творческие работы, которые бы иллюстрировали Бруклин. Я подал заявку. Заявку мне помогла составить моя внучка. Мою работу, эскиз моей работы утвердила эта организация. И я приступил к работе над созданием этого гобелена, где я постарался отразить архитектуру Бруклина, архитектуру Кони-Айленда, архитектуру таких достопримечательных мест вот нашего района где мы живем. Эта работа была премирована. Это даже премией нельзя назвать: они мне оплатили все затраты, которые были связаны с созданием этого гобелена. Это триптих такой, довольно крупного размера. Они оплатили мне все – все затраты, которые я понес. И получилась такая очень декоративная работа, которую я выставлял на многих выставках. Сейчас она хранится у меня дома. Ну вот эта работа тоже, она скорее для какого-то служебного помещения, понимаете. Есть работы, которые по тематике они созданы для домашней экспозиции, а есть которые дома они будут смотреться немножко диковато. Лучше для служебного помещения. Ну вот, к сожалению, дома она у меня в шкафу стоит спрятанная. Когда бывают какие-то интересные выставки и где мне предлагают условия, что эту работу могут погрузить в машину и повезти, тогда я ее выставляю.

